

НА НОВОМ МЕСТЕ

Мать масломера жила одна в двухкомнатной квартире. Сын с женой отселился совсем недавно, когда жена родила второго ребёнка. Старшему было тогда шесть. Сейчас он ходил в первый класс, учился хорошо, но с английским у него были проблемы. Замужняя сестра масломера, Аля, жила недалеко от матери, у неё было трое детей — 12, 10 и 4 лет. У старших тоже были проблемы с английским.

Всё это Николай рассказал Тасе по пути. Лужи уже начали подёргиваться тоненькой, похожей на маслянистую, плёнкой, но её сразу сдувало малейшим дуновением лёгкого ветерка. Светили осенние звёзды — сквозь свет фонарей и лёгкий смог от выхлопных газов их было еле видно. Под деревьями лежали ковры из листьев, утративших пёстрое великолепие, слившихся с грязью и готовых ею стать.

Николай позвонил по домофону. Приятный женский голос спросил: «Кто это?»

— Это я, Коля, — ответил Николай и дверь подъезда открылась.

Пока они поднимались на четвёртый этаж, Тася попыталась представить себе его мать. Какая она? Пожилая, это понятно — раз старшему внуку 12 — значит, ей не меньше 50. Ирине Романовне 50 исполнится в следующем году. «Это какой же они пир закатят!» — подумала Тася, вспомнив серебряную свадьбу.

Мать Николая открыла им дверь. Это была высокая, стройная, подтянутая женщина. Спереди волосы её были целиком седыми, сзади ещё сохраняли остатки светло-соломенного цвета. Светло-голубые глаза смотрели грустно и приветливо. Одета она была в платье цвета жёлтого мрамора, с большим чёрным воротником, поверх платья был повязан ярко-зелёный фартук с красными цветами.

— Вот познакомься, мама, это Таисия... — он выжидательно посмотрел на Тасю.

— Веткина,- подсказала Тася, роясь в сумочке в поисках удостоверения.

«Что они обо мне подумают? — беспокоилась Тася. — Решат, будто я неаккуратная, раз найти сразу не могу того, что нужно. Не станешь же так, с ходу, объяснять им, что к чему».

— Ну вот, - продолжал Николай, — а это моя мама, Валентина Матвеевна.

Из сумочки выпал диск — тот самый, с песнями. Валентина Матвеевна обратила, наконец, внимание на действия Таси и принесла ей стул.

— Сядьте, - сказала она просто, — и поставьте сумку на колени. Так будет легче.

Тася села, посмотрела в сумочку и сразу увидела кончик удостоверения, торчащий из бумаг. Вытащив его, она показала Валентине Матвеевне. Та взяла документ, внимательно рассмотрела, сличила фотографию Таси с её лицом, и удовлетворённо кивнув, вернула документ девушке.

Тася разулась. Валентина Матвеевна ахнула, посмотрев на её ноги.

— Это где вы в такие высокие сапоги грязи набрать умудрились?

Тася покраснела как рак.

— Где у вас тут ванная? — еле слышно спросила Тася.

Николай показал ей белую дверь, и Тася скрылась за ней.

— Подождите вы, я колонку зажгу! — прокричала Валентина Матвеевна, отправляясь на кухню.

Тася быстро постирала свои колготки, вымыла ноги и тапочки. Не зная, чем их вытереть, Тася стояла и ждала, когда они высохнут. Ждала и думала, как же нехорошо началась жизнь на новом месте. «А хозяйка, наверное, порядочная. Что же она обо мне подумает?»

Вышла Тася из ванной с колготками и тапочками в руках. Валентина Матвеевна с Николаем сидели на кухне и разговаривали. До Таси доносились обрывки их разговора: «Стабильность стабильности рознь», «Есть вещи поважнее, чем стабильность», «Пока революционной ситуации нет — к ней надо подготовиться»... «О, так тут не прочь поговорить о политике» — с удовлетворением подумала Тася.

В её семье о политике говорить было не принято. «Грязное дело!» — морщили нос бывшие Тасины домочадцы. Но сама Тася политикой интересовалась, и интересовалась потому, что это не было принято в её семье.

Характерно, что когда по телевизору в новостях говорили о громких разоблачениях казнокрадов и взяточников, Тасины домочадцы возмущались. Но возмущались они не героями телерепортажей, а журналистами, их разоблачающими. На все лады повторяли они: «Что чиновники — не люди, что ли? Люди ведь, жить хотят хорошо», «Каждый зарабатывает, как может», «Для семьи ведь, не для себя»... В таких случаях Тася думала: «Человек любит себя и себе подобных. Понимает тоже».

Тася прошла на кухню. Валентина Матвеевна и Николай сразу замолчали.

— Извините, - сказала Тася, — не скажете ли вы, где здесь можно повесить для просушки одежду и обувь?

Валентина Матвеевна поднялась.

— Идёмте, я покажу, — она повела Тасю на балкон. Заметив, что Тася постоянно оглядывается, Валентина Матвеевна добавила: — Нет, это не ваша комната. Но, когда вам надо будет пройти на балкон — можете смело заходить сюда.

Тася вышла на балкон, повесила колготки и тапочки. «Не спрашивает, — подумала она, — значит, он рассказал ей всё. Не добавил ли чего?»

Валентина Матвеевна подождала, когда Тася управится со своими вещами и войдёт.

— Пойдёмте, я покажу вам вашу комнату.

Тася вошла в приготовленную для неё комнату. Первое, что бросилось ей в глаза, была играющая серая кошечка. Она бегала вокруг старого, рваного синего шлёпанца, гоняя ловкими лапами скомканный фантик. Кошечка пыталась поддеть комок лапой и забросить его в шлёпанец. Наконец, ей это удалось. Но увидев Тасю, кошка расфуфырила хвост и убежала.

Тася проследила за кошкой. Валентина Матвеевна уловила её взгляд.

— Что, понравилась вам моя Ласечка? — спросила она.

— Не знаю, у нас их никогда не было, и я в них совсем не разбираюсь.

Тася говорила правду. Её бывшие домочадцы ненавидели кошек. Увидев в подъезде чью-то кошку, они пинками вышвыривали её. Не раз у них были конфликты с соседями из-за их зверьков.

— А вот муж мой покойный сначала не любил кошек, а пожил со мной,

привык, — просто сказала Валентина Матвеевна.

Она показала Тасе небольшой столик у окна, шкаф с двумя отделениями — для книг и для одежды, кровать и телевизор напротив неё.

— Здесь раньше жили Коля с Леной, — продолжила она, — а там — я с внуками. А когда третий родился — тут им отделиться понадобилось. Я продала всё ценное, что было в моей квартире, и купила им двухкомнатную, в доме напротив. Хорошо ещё, что сама не в центре живу, а на окраине, где квартиры дешевле. Теперь каждый день хожу к ним, Лене помогаю. Вы ужинали уже?

— Нет, - автоматически ответила Тася и спохватилась. «Надо же было сказать „да“. Теперь начнёт предлагать поужинать с ней. И отказать неловко будет, и согласиться».

— Ах да, конечно, когда бы вы успели, — ответила Валентина Матвеевна. Мне Коля рассказал, что в автобус вы сели в шесть пятнадцать. А теперь — десять уже. Пойдём на кухню, — добавила она тоном, не терпящим возражений.

На кухне сидел Коля и говорил по телефону на громкой связи.

Значит ты говоришь, она может заниматься английским с нашими детьми? — спросил женский голос из трубки.

— Да, она сказала, что занималась в школе с двоечниками, — неуверенно ответил Коля. — И знаешь, так при этом обрадовалась, непонятно чему! Прямо засветилась изнутри, словно лампочку внутри неё зажгли...

— Ладно, Коля, — голос в трубке звучал всё так же — спокойно и ровно. — Я тебе верю, в людях ты разбираешься. Но ты всё же останься там. Мало ли какая она.

Только теперь Коля заметил, что на кухне он не один. Он покраснел, как рак, проговорил в трубку что-то малопонятное, неловким движением отключил телефон и спрятал в карман.

А Тася задумалась. Как же интересно у них получается: он не боится сказать жене, как похорошела другая женщина, а она советует ему остаться ночевать в одной квартире с ней! Несомненно, тут было нечто очень чистое и светлое, о чём Тася знала только по книгам и фильмам, но к чему страстно стремилась её душа. И показалось Тасе что она, вышедшая совсем из другой семьи, уже своим присутствием здесь пачкает эти отношения.

Вспомнилось Тасе стихотворение Тихонова «Рубашка»:

«Встал человек — ну, как сказать короче,

Пред нами встал таким,

Как будто он пришёл из бездны ночи

И ночь вошла за ним».

Именно таким человеком она казалась сейчас сама себе. И не по себе ей было от этого.

«Нет, не буду я рассказывать этим людям ничего о себе, о прежней своей жизни, — решила Тася. — Не надо им всё это знать».

Тася так глубоко задумалась, что не заметила, как съела тарелку тыквенной каши с молоком. Очнулась она от раздумий, только когда Валентина Матвеевна сказала:

— Вы что будете пить? Чай или кофе?

— Кофе, пожалуйста, — попросила Тася. Дома она пила только кофе — крепкий, чёрный, натуральный.

Едва пригубив напиток, Тася недоумённо посмотрела на Валентину Матвеевну.

— Это не кофе, — сказала она.

— Конечно, не кофе, — с готовностью ответила Валентина Матвеевна. — Это — цикориевый кофейный напиток. Кофе перед сном я никому бы не предложила. Вредно!

«О, так здесь ценят здоровый образ жизни, — подумала Тася. — Хорошо!»

Тут Тася заметила, что на ногах у неё лежит что-то тёплое. Заглянув под стол, она увидела у себя на коленях двух кошек — серую и чёрно-белую.

— Это у вас Лася там, наверное, — сказала Валентина Матвеевна, — она всем на колени залезает. — Но, посмотрев под стол, хозяйка многозначительно сказала: — О, и Дама там! А она не каждому на колени залезет. Даже хозяев не всех признаёт. Мужу моему ни разу не запрыгнула, Аля пыталась взять — шипит, вырывается. Из всех домашних только меня признаёт. А теперь вот и вас признала.

— А кто старше?

— Дама. Ей шесть уже. Ласечке четыре, её я подобрала на улице двухмесячным котёнком на следующий день после гибели мужа.

Тася задумалась, ей было непонятно, что сказать. И спросить, как погиб муж, неудобно, и промолчать тоже. Она пристально посмотрела на Валентину Матвеевну, желая понять, почему она это сказала — просто так или из желания начать разговор.

Валентина Матвеевна поняла взгляд Таси по-своему.

— Муж у меня погиб в Жанаозене. Он был там на вахте, примкнул к бастовавшим рабочим.

Тасе тогда было 18 лет, и училась она на втором курсе иняза. Многие из её сокурсников боялись говорить об этих событиях, некоторые боялись даже слушать о них, но находились и такие, которые смело обсуждали расправу над рабочими. Среди таких была и Асия. Она резко осуждала действия власти, говорила: «Наш режим запятнал себя ещё и кровью» Но Асия была из тех, кто поддерживал вмешательство Запада во внутренние дела Казахстана. Это для Таси было совсем неприемлемо. Поэтому она поверила тем, кто говорил, будто бастовавшие пошли на поводу у наймитов Запада, которому надо отделить Западный Казахстан.

О требованиях забастовщиков Тася имела весьма смутные представления. «Зарплату повысить требуют, — думала она. — Так ведь, и цена на нефть вырастет. А от цены на неё много какие цены зависят».

И вот теперь Тася сидела в окружении людей, причастных к этим событиям. Она решила сразу сказать о своём отношении к ним. «Так будет честнее» — подумала она и сказала:

— Так ведь там действовали сепаратисты, которые хотели отделить Западный Казахстан...

— Это — неправда! — энергично махнув рукой, ответил Коля.

— Распространяют всякие небылицы о нас, а люди им верят...

— Неправда? — переспросила Тася. — Так почему те, кто приветствуют вмешательство Запада в наши внутренние дела, больше всех ругают за это власть?

— Если расправа с бастующими вызвала лицемерное негодование у клановой оппозиции — это не значит, что забастовщики поддерживают клановую оппозицию, — ответил Коля.

— Что же это значит, и ваххабитов там не было? — недоверчиво спросила

Тася. — Кто же тогда жёг новогодние ёлки? А ваххабиты — как раз сепаратисты! У нас сложились кланы, которые награбили ценностей и хотят, чтобы власти у них было пропорционально богатству! А западу только это и подавай!

— Ваххабитов к бастующим тогда подослали, — ответила Валентина Матвеевна, — как раз для того, чтобы был повод для расправы с ними.

— Не только для этого, — добавил Коля. — До этого ещё шахтёры хотели вступить в контакт с бастующими нефтяниками, готовились их поддержать. И, чтобы сорвать эту возможность, власть подослала к забастовщикам ваххабитов. Ведь горняки, в основном, русские.

— Но зачем тогда? — недоумённо пожала плечами Тася.

— А затем, что забастовщики требовали национализации отрасли под рабочим контролем, — отчеканила Валентина Матвеевна. — Чтобы прибыль шла не в чьи-то карманы, а напрямик в бюджет.

Тася смутилась. Об этом требовании она не знала ничего.

— Ясно, — твёрдо сказала она. — Спасибо. Я об этом не знала.

Молча допила она свой остывший кофе, молча встала из-за стола, молча прошла в отведённую ей комнату. Надо было привести в порядок свои мысли.

Да, она не лукавила, когда сказала «Всё ясно». Ей было действительно понятно, почему власть была против требований забастовщиков. О буржуазном характере современной казахстанской власти Тася знала хорошо — всё-таки она охотно читала левую публицистику. На работе, естественно — дома такую литературу и на порог не допускали.

Но именно национализация нефтяных месторождений — то, что нужно для роста экономики! Ведь цену на нефтепродукты тогда будет устанавливать государство, а не частники со счётами в европейских и американских банках. И зависеть эта цена от мировых цен не будет.

А если национализация пройдёт под рабочим контролем — это ударит и по коррупции — святому святых чиновничества. Кроме того, «под рабочим контролем» — это значит, что забастовщики посягнули на самую суть буржуазной власти.

Понятно было Тасе и то, почему национализации требовали именно нефтяники. Ведь там, в нефтяной сфере экономить буржуа имеют возможность только на них. На их зарплате, охране труда, организации досуга. Тенденция такая есть везде, но в добывающих отраслях она больше

заметна. Это в обрабатывающих отраслях можно вешать людям лапшу на уши, говоря, будто конкуренция ведётся на повышении качества продукции. Но к нефти, а также газу, углю и металлам это по определению относиться не может.

Стремление власти не допустить союз между жанаозенскими нефтяниками и карагандинскими шахтёрами Тасе тоже было понятно — ведь если и шахтёры будут требовать национализации шахт под рабочим контролем — для буржуазии всё пропадёт.

Валентина Матвеевна открыла дверь в Тасину комнату:

— Вы извините, я здесь своё одеяло оставила, — сказала она, проходя к шкафу. — Семечки — на подоконнике, в бумажном пакетике.

Последние слова Валентины Матвеевны Тася восприняла с удивлением. «Я же утром сразу на работу пойду, зачем мне семечки? Это, наверное, кто-то из её детей очень грызть любит».

Тася проснулась с восходом солнца. Оглянулась и невольно задержала взгляд на карагаче за окном. На каждой ветке дерева сидела маленькая желтогрудая синичка. А за окном висела кормушка из тетрапака, привязанная к форточке верёвкой. Вчера Тася её не заметила.

Так вот зачем она оставила здесь семечки! — догадалась Тася. Она насыпала семечек в кормушку и вывесила её за окно. Тут же на кормушку села синица, схватила семечко и улетела обратно на дерево. Там она взяла семечко лапкой и принялась его долбить.

Впервые Тася увидела это так близко. И сразу полюбила этих весёлых и жизнерадостных птиц. Она смотрела, как синицы, одна за другой, подлетают к оконцу, вырезанному в кормушке. С новой силой захотелось жить.